ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

НОВОЕ ВРЕМЯ

№ 2–3 (2583)
Издается с июня 1943 года

Читайте в этом номере:

В РОССИИ И РЯДОМ

ЧЕЧНЯ *Г.Ковальская* ЛЕСНОЙ ПОЖАР 6
Я.Ружджиньский БУКВАРЬ НЕВЗОРОВА 11
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ *М.Шакина* ДУМА В ПРОСТРАЦИИ 12
АРМИЯ *С.Сурожцев* ЛЕГЕНДАРНАЯ В ГРОЗНОМ 14
МЫСЛИ ВСЛУХ *О.Васильева* ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ЭТНИЧЕСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИИ? 16
АРМЕНИЯ *Н.Калинкин* ДЕЛО АВАКЯНА 20
КАЗАХСТАН *В.Кузнецов* ЖОЛАЯК 22
ЭКОНОМИКА *Ю.Александров* НЕФТИ ДАЮТ СВОБОДУ 23

МИР

МЫ И МИР *А.Грачев* ГОРЕ ОТ БЕЗУМСТВА 24
«ГЕРОИ» РАЗРУШЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА – ИЗВЕСТНЫ...»
(интервью М.Павловой-Сильванской с М.Горбачевым) 26
К.Любарский МИНИСТР-РОССИЯНИН 28
США–КУБА *Е.Русаков* ПОСЛЕДНИЙ ЗАПОВЕДНИК «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» 30
СОМАЛИ *А.Букалов* СМЕРТЬ МОГАДИШСКОЙ ГИЕНЫ 32
ЕВРОПА *Ж.Делор* ЭРА ЯЛТЫ ЗАКОНЧИЛАСЬ;
К.Ноотебоом ЕВРОПА ОСТАЕТСЯ ЕВРОПОЙ;
А.Кун ХРИСТИАНИН, ЮРИСТ, БАСКЕТБОЛИСТ... 34–37
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА
А.Дидусенко ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА 38
РОССИЯ–ТУРЦИЯ *И.Сутягин* СПОР О ПРОЛИВАХ ЕЩЕ НЕ КОНЧЕН 40

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ *В.Радаев* ЭЛИТАРНЫЕ ЧЕЛНОКИ 42
ОБРАЗ ЖИЗНИ *Ю.Арьева* ИХ АДРЕС – НЕ ДОМ... 44
СУДЬБЫ *В.Дубнов* ПЕПЕЛ НА ПОДВОДЕ 46
МЕДИЦИНА *А.Кудряшов* ЧУДО ИЛИ «ПИРАМИДА»? 48
РЕЛИГИЯ *Е.Попова* ПРИХОД ДЛЯ КАЛИФОРНИЙСКОГО РАВВИНА 49
МУЗЫКА *Т.Чередниченко* ДЕКАБРЬСКИЕ ЧТЕНИЯ БИБЛИИ 50
ТУСОВКА *А.Винокуров* НОВЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ МЕЛЬПОМЕНЫ И ТАЛИИ 52
ЭССЕ *М.Горелик* СТАРЫЙ ГОД УЖЕ НЕ ВЛАСТЕН 54
КНИГИ *А.Шаталов* РОССИЯ ВСЕ ЕЩЕ ЧИТАЕТ 55
ТЕАТР *А.Злобина* КОВАРНАЯ ШУТКА ЛЮБВИ 56
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ *Б.Бруцкус* БУДУТ ЛИ У НАС ТУЧНЫЕ ГОДЫ? 57
ЗАРИСОВКИ С НАТУРЫ *Б.Медовой* ДЕБАТЫ НА АКТУАЛЬНЫЕ ТЕМЫ В ПОСЕЛКОВОЙ БАНЕ 62
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ *А.Винокуров* ПЛОХАЯ ПРИМЕТА 64
ПОЧТА (2), ЗЛОБА ДНЯ (4), ЛИЦА (60)

Обложка Виктора Бреля

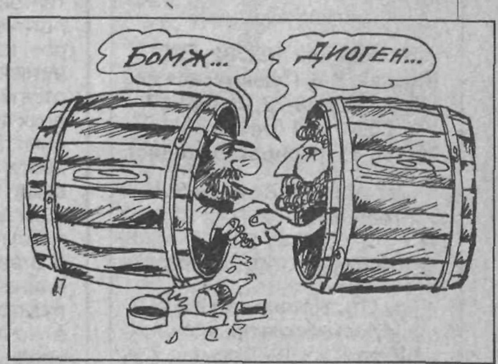
Номер сдан в печать 17 января 1995 года

Пылающие кварталы Грозного – штрих в апокалиптической картине чеченской войны Стр. 6

Андрей Козырев: путь из демократов в «патриоты» Стр. 26

Как живется в Питере бомжам среди Растрелли и Кваренги Стр. 44

Рубрику ведет обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Одно из недавно возвращенных имен выдающихся наших экономистов — имя Бориса Давидовича Бруцкуса. В прошлом году исполнилось 90 лет со дня рождения этого ученого, так много сделавшего для развития не только отечественной, но и мировой экономической науки. Он был представителем либеральной экономической мысли в ее классической версии — и из зарубежных ученых ему, пожалуй, ближе Людвиг фон Мизес и Фридрих А.Хайек. В то же время глубоко изучивший и российский, и зарубежный опыт, особенности развития русского хозяйства, Бруцкус не был чужд и идеям, происходившим из других экономических школ, и из практики хозяйственной жизни России. Он был в большей степени «прикладником», чем «фундаменталистом». Более всего его в российской экономике занимали аграрные отношения. Он не был противником кооперации, но не принудительной, а естественным образом вырастающей на аграрной почве. Но как самый главный элемент развития аграрных отношений, «цветком высшей экономической культуры», он называл трудовую земельную собственность.

Если сопоставить крестьянина-общинника начала нашего века с «колхозником-совхозником» советского периода — и это отмечал Бруцкус в своих работах после своего изгнания с родины, — то мы увидим, что первый все-таки был фактическим хозяином своего надела и действовал как хозяин. Второй же был полностью отчужден от земли, превратившись в простого поденщика, а временами попросту становился беспаспортным крестьянином. Этот груз прошлого до сих пор приводит и к «полеганию хлебов», и к порождающему инфляцию «аграрному шантажу»... Такой исход дела Бруцкус предвидел еще в 20-е годы. Власть не только не вняла предупреждениям ученого, но и отомстила за них, отправив его в вынужденное изгнание.

Надеемся, что фрагменты доклада Бруцкуса на III Всероссийском агрономическом съезде (опубликованный в 1922 году в «Вестнике сельского хозяйства») вызовет естественный интерес наших читателей.

Публикацию подготовила Нина Рогалина

Будут ли у нас тучные годы?

Борис Бруцкус (1894–1938)

Как русское сельское хозяйство дошло до настоящего своего состояния? Обычная точка зрения такова: оно дошло до такого состояния в результате империалистической и гражданской войны. Здесь есть правда, но мне кажется — не вся правда. Верно, что империалистическая война подготовила крушение русского народного хозяйства. Но если бы во время этой войны непосредственно наблюдали только русское сельское хозяйство, то мы не заметили бы разрушительных влияний на него войны. Империалистическая война, казалось бы, должна была повредить русскому сельскому хозяйству прежде всего своими колоссальными наборами, тем, что она забрала 40–50 процентов мужской рабочей силы. Однако русская деревня была настолько переполнена, имела такие громадные избытки рабочей силы, что даже такие громадные наборы ее не обессилили. Оказалось все-таки возможным удержать посевы более или менее на прежнем уровне, и компетентные статистики утверждают, что размеры посевов к 1916 году сократились не больше как на 10 процентов. Что касается общего уровня благосостояния сельского населения, то, как это ни парадоксально, оно к этому моменту не понизилось, потому что условия сбыта продуктов улучшились, крестьянское население получало большие пайки, — все это, быть может, за счет истощения государства и народного хозяйства, все это, быть может, подготовляло катастрофу, но тогда ее еще не было. И что империалистическая война не разрушила, может быть, не успела разрушить крестьянского хозяйства — это видно из того, как повлияла ликвидация империалистической войны — бывшая для России необходимостью — на дальнейшее развитие русского сельского хозяйства. Казалось бы, что возвращение в деревню громадных масс мобилизованных должно было вызвать подъем сельского хозяйства.

Но признаков такого подъема не наступило. Наоборот, русское сельское хозяйство теперь начинает разваливаться. Какая тому причина? Причина, говорят, — гражданская война. Влияние гражданской войны на русское сельское хозяйство более осязательно, и статистики, сопоставляя состояние сельского хозяйства в районах, где была гражданская война и где ее не было, находят существенные различия. Но все-таки и влияния гражданской войны не следует преувеличивать, потому что при всей ее жестокости она все-таки имеет партизанский характер. Возьмем чрезвычайно интересные сравнительные данные переписей 1916 и 1919 годов. Перепись 1919 года коснулась почти исключительно тех районов, которые в круговорот гражданской войны не были втянуты. Какую же картину мы видим? Вы знаете, какое было резюме влиянию войны на крестьянское хозяйство. Произошла, как говорят, «нивелировка». Я думаю, что такое резюме есть эвфемизм. Да, здесь произошла нивелировка, но на нищету, а не на подъем, с одной стороны, и опускание — с другой. Я позволю себе процитировать наизусть основные выводы. Количество беспосевных сократилось с 11,5 процента до 6,5 процента, то есть на 5 процентов, — в этом будто бы подъем. Но зато количество сеющих до 4-х десятин, то есть сеющих столько, сколько нужно, чтобы только-только себя прокормить или дать меньше того, увеличилось на 15 процентов. За чей же счет произошло увеличение этой группы? Очевидно, главным образом за счет групп, сеющих более 4-х десятин. Но ведь хозяйства, сеющие больше 4-х десятин, в массе своей совсем не кулацкие, это — трудовые крестьянские хозяйства. Стало быть, произошло громадное сползание вниз крестьянства. То же самое говорит учет лошадей. Количество безлошадных сократилось с 28 процентов до 25 процентов. Барыш не велик — 3 процента. Но зато процент однолошадных возрос на 30. За чей счет? Очевидно, за счет дворов, имевших более одной лошади. Ясно, что это обнищание, а не нивелировка. Что же касается того, что мы засчитываем в плюс, то разрешите этого плюсом не считать. Когда произошло разрушение народного хозяйства, на заработки жить стало невозможно, и все судорожно схватились за плуг. Но разве это плюс? Разве я выиграл от того, что раньше овощи покупал на базаре, а теперь езжу на остров Голодай и там развожу их? Разве выиграли мои друзья, которые вместо того, чтобы покупать молоко на рынке, разводят

коз на Васильевском острове? Наши статистики напрасно констатировали двустороннее движение там, где было одностороннее движение. Это одностороннее движение было результатом «черного передела», который смел все хозяйства, заклейменные как «кулацкие». А термин этот щедро прикреплялся ко всем зажиточным хозяйствам, хотя бы они велись исключительно собственным трудом.

То же самое касается специально Поволжья. Там бушевала гражданская война. Кончилась она в 1919 году. Казалось бы, что с этого момента хозяйство должно начать подыматься. В действительности же 1920–1921 годы характеризуются сильнейшим упадком хозяйства Юго-Востока. В Сибири жестокая гражданская война затянулась до 1920 года, и все же посевы к 1920 году сократились лишь на 6 процентов. А в 1921 году, когда война была кончена, посевы сразу сократились на 29 процентов.

Ясно, чем было разрушено наше сельское хозяйство. Наше сельское хозяйство непосредственно от империалистической войны пострадало не существенно, несколько пострадало оно от гражданской войны, но разрушено оно было не войной, а нашей экономической политикой, проникнутой двумя принципами: «черного передела» и «общего котла». Это и должно стать прямым достоянием нашего сознания.

Хозяйство всегда разрушается изнутри, а не внешними кознями

И только когда этот вывод прочно усвоят и власть, и вся интеллигенция, и весь народ, новая политика действительно укрепится «всерьез и надолго». Ведь старую политику творила не одна власть, ее творила и вся интеллигенция, и весь народ...

Мы убедились, что как ни важны вопросы распределения, но при пренебрежении производством можно прийти к тому, что миллионы людей будут «уравнительно» умирать с голоду. Поэтому мы впредь никакими экономическими проектами, игнорирующими производство, увлекаться не будем.

Исходя из сказанного мы пришли к единогласному выводу, что при данных исторических условиях крестьянское хозяйство есть единственная прочная основа русского сельского хозяйства, не какой-то пережиток, который подлежит скорейшему устранению, и я приветствую доклад В.В.Осинского, поскольку он этой мыслью проникнут. Для нас стало ясно, что процветание крестьянского хозяйства невозможно, пока крестьянин не получит уверенности в принадлежности ему продукта его труда. Из этого взгляда проистек отказ от продразверстки. Итак, продналог есть временная мера, есть лишь необходимое зло. Что пока еще невозможно отказаться от продналога, приходится согласиться. Но с того момента, когда будет стабилизирована денежная система, нам необходимо от него отказаться. Продналог есть *вредная мера*, может быть, несколько менее вредная, чем продразверстка, – это не надлежащее орудие государственного хозяйства.

Итак, крестьянство должно получать надлежащий эквивалент за свой продукт, если мы желаем, чтобы хозяйство развивалось. Где же найти эквивалент? С какого конца нам подойти к возрождению нашего народного хозяйства? Мне представляется чрезвычайно важным вопрос, что может дать международный рынок русскому сельскому хозяйству. Конечно, мы должны признать, что следует по возможности стремиться к восстановлению нашего народного хозяйства собственными силами. Но, к сожалению, если мы будем предоставлены только собственным силам, то наши бедствия не скоро прекратятся. Поэтому контакт с более богатыми странами имеет для нас очень большое значение, при условии, что мы при этом контакте сумеем сохранить свои силы организованными государственной властью. К счастью, последнее условие выполнено. Россия выступает в качестве самостоятельной политической величины, а потому нам не следует боязливо относиться к экономическому контакту с Европой. Мне представляется, что скорейшему возрождению русского сельского хозяйства, и крестьянского хозяйства в частности, Запад может оказать очень большую помощь. Между тем наши города и промышленность настолько разрушены, что невозможно рассчитывать, чтобы они скоро могли дать надлежащий эквивалент нашему крестьянину.

Теперь я должен подойти к вопросу, поставленному Н.Д.Кондратьевым. Он пришел к скептическим выводам. Всемирный рынок будто бы нам мало обещает как раз в той области, которая для нас имела наибольшее значение: мы не можем восстановить своего прежнего значения на зерновом рынке... Он говорит, что Запад уже нашел себе поставщиков зерна, и его продовольственный спрос удовлетворен. Конечно, Европа не настолько разрушена, чтобы она голодала; у нее найдутся средства, чтобы приобрести то зерно, которое ей нужно для пищи. Привилегия голода предоставляется странам недоразвитого или разрушенного капитализма. Если Европе нужен хлеб, она применяет старое, недурно действующее средство – она повышает биржевые отметки на него. Хозяева тогда приложат больше капитала к земле, распашут земли, которые раньше не распахивались, и таким образом нужные ей пшеницу и рожь Европа получит. Я думаю, что Европа ест теперь пшеницы примерно столько, сколько она ела и раньше, и весь вопрос в том (этого, кажется, Н.Д. не выяснил), по какой цене она получает пшеницу и рожь. Этот вопрос не так просто можно выяснить, потому что хлебные цены, выраженные в бумажных валютах, вследствие неустойчивости последних мало что говорят. Нужно выяснить этот вопрос по золотым ценам на зерно Нью-Йоркской биржи. Глубокая причина мирового кризиса, по-видимому, и заключается в том, что массы европейского населения вынуждены затрачивать слишком много средств на приобретение продуктов питания и у них не хватает средств на приобретение индустриальных продуктов, удовлетворяющих потребностям второй очереди. Но если бы даже зерно на Нью-Йоркском рынке котировалось не выше, как до войны, то и это было бы достаточным вознаграждением для русского крестьянства. Разве русское зерновое хозяйство накануне войны не развивалось и разве тогдашние цены не считались благоприятными? Почему теперь русский крестьянин не сумеет выступить на международном рынке? И если в результате его выступления цены на рынке несколько понизятся, то это окажется более чувствительным для избалованных европейских хозяев, а не для совсем неизбалованного русского крестьянина. Я не могу признать вывод Н.Д.Кондратьева обоснованным. Еще менее он мне представляется обоснованным по отношению к зерну кормового назначения...

Таким образом, вывод Н.Д.Кондратьева – что мы не должны рассчитывать на производство зерна для вывоза, а должны иметь в виду вывоз преимущественно продуктов животноводства, – неправилен. Он был бы для нас очень печален, ибо и до войны, когда наше народное хозяйство не было разрушено, мы не в состоянии были наладить вывоза в широком масштабе продуктов животноводства, в особенности мяса. Я не вижу оснований рассчитывать, чтобы мы могли это сделать теперь. Нам придется пока по-прежнему вывозить преимущественно зерно. Но, конечно, не следует оставлять работы над тем, чтобы перейти к переработке нашего зерна в высшие продукты...

Далее Н.Д.Кондратьев сокрушался по поводу того, что посевы льна во Франции и Бельгии удвоились. Но и это не имеет для нас значения. Тот лен, который они производят, так дорог, что он доступен, как говорят, только дамам парижского demi-monde'а (полусвета).

широкой публике нужен дешевый лен, а его даст только Россия, и поэтому нам нечего здесь бояться конкуренции. В 70-х годах русский лен убил западноевропейское льноводство, и теперь он это сделает...

Что же касается сахара, то говорить о нем сейчас как о предмете экспорта, не приходится. Русское сахарное производство основательно разрушено. Мы добываем всего-на-всего 3 миллиона пудов сахара, и еще очень долго придется развивать русское производство сахара, прежде чем придется подумать об его экспорте.

Итак, я думаю, что международный рынок нам многое обещает. И, конечно, не ради прекрасных глаз России вообще, и Советской в частности, Россия приглашается на конференцию в Геную, и на Западе подумывают о ее возрождении. Об этом думают, потому что недостаток в продовольствии и сырье остро чувствуется и что нужен рынок для сбыта индустриальных продуктов. Я не сомневаюсь в том, что Западная Европа сделает много шагов вперед по отношению к России, для того чтобы возродить прежде всего ее сельское хозяйство, если ей только дадут уверенность, что ее капиталы будучи целы. Между тем наши города представляют такую картину разрушения, что они не могут дать того эквивалента, тех орудий производства сельскому хозяйству, которые необходимы для его возрождения.

Каким же образом нам организовать обмен между Западом и Россией? Для русского хозяйства будет тем лучше, чем теснее и многообразнее будет контакт между ним и Западной Европой. Поэтому все организации, которые могут явиться средостением между русским крестьянством и Западной Европой, должны быть устранены. Я хотел бы здесь поставить точку над «i» и сказать то, чего не было сказано в докладе В.В.Осинского. Я считаю, что важнейшим средостением здесь является Внешторг, что идея объединения всего экспорта в одной правительственной организации является не менее ошибочной, чем та *главкократия*, от которой отказалась уже Советская власть... Я этим не хотел бы ни в какой мере выразить недоверие лицам, стоящим во главе Внешторга. Мне пришлось много лет работать вместе с лицом, возглавляющим Внешторг, и я отдаю должное его исключительной энергии и талантам. Но я говорю принципиально – можно ли таким путем организовать внешнюю торговлю? Я утверждаю, что организовать ее таким путем нельзя...

Но я пойду дальше. Если Внешторг мог бы явиться препятствием в этом деле, то я скажу, что было бы ошибочно, если бы монополия внешней торговли была предоставлена и кооперации, и не потому, чтобы я сомневался в призвании кооперации заниматься внешней торговлей, – в ней я не сомневаюсь. Но я не вижу возможности, чтобы кооперация после ее разрушения могла быть немедленно воссоздана, и признаться, когда здесь выступил представитель кооперации и сказал, что представляемая им организация объединяет пятую часть крестьянства, то при всей моей уверенности в искренности произнесенных слов, я все же убежден, что это не так. Невозможно так скоро воссоздать столь могущественную кооперативную организацию. Я думаю, что эта организация очень поверхностная, неглубокая. Русская кооперация так же, как и Внешторг, функции внешней торговли выполнить не может. И здесь надо совершенно определенно сказать: нравится ли это нам или нет – без частного торгового капитала, без этого скупщика, который рассыплется по деревням, вы не сорганизуете экспорта. Нигде в истории меновое хозяйство без участия частного торговца не возникало. Вы скажете, что это аппарат несовременный, – это верно. Вы скажете, что кооперация дает гораздо больше выгод крестьянству, – тоже несомненно, и поэтому кооперацию надо поддерживать и всемерно поощрять. Но если мы создадим монополию для кооперации, то произойдет то, что небольшая горсть производителей действительно получит за лен всю ту цену, которую можно получить, но зато девять десятых производителей льна или возможных его производителей останутся совсем незатронутыми обменом. А для нас гораздо важнее, чтобы сейчас, немедленно, вся толща крестьянских хозяйств была вовлечена в обмен, и гораздо менее интересно, если вовлечена будет в обмен небольшая группа, хотя она получила большее вознаграждение. Мы обязаны, конечно, содействовать тому, чтобы кооперация в конкуренции с частным капиталом принимала деятельное участие, но заменить его она сейчас не в состоянии...

Если мы стремимся к тому, чтобы экономическое положение крестьянства падало, то мы должны предусмотреть процесс отхода известной части крестьянства от земли. Это есть процесс неизбежный, и я не предвижу никакой возможности его предотвратить. Демократической властью должны быть созданы такие предпосылки в аграрном строе и в экономической политике, чтобы процесс отхода части сельского населения от земли происходил безболезненно. Этот отход надо предвидеть, в особенности в современной России, где только что произошел колоссальный процесс разрушения городов. У нас должен опять произойти процесс профессиональной дифференциации населения. Одна часть сельского населения должна вернуться в города, другая – уйти в районы колонизации.

Как ни важны вопросы распределения, но главными являются вопросы производства *полезных* продуктов

Перехожу к вопросу о совхозах. Я согласен с А.В.Чаяновым, что приписные совхозы являются пережитком старой экономической политики, который при новой экономической политике должен быть устранен. Я думаю, что совхозы должны иметь двоякое назначение: часть должна обслуживать культурные нужды крестьянского хозяйства, которые из недр самого крестьянского хозяйства не могут быть удовлетворены; часть должна быть сдана в аренду солидным предпринимателям. Такую сдачу в аренду совхозов уже признало советское правительство.

Далее, о наемном труде. Я считаю, что нет никакой опасности для будущего трудового хозяйства в допущении найма труда. Из этого не может вырасти новый капитализм. Сельскохозяйственный капитализм не вырастет, если у нас будет демократическое государство, заботливо относящееся к крестьянству, если у нас будет хорошо поставлен земельный кредит.

В заключение несколько слов о будущем. Я предусматриваю, что в той стадии экономического развития, в которую мы входим, необходимо дать свободу действия частному капиталу. Я убежден, что если бы условия для деятельности капитала были не таковы, как сейчас, если бы они были более нормальны, то капитал не выступил бы перед нами только в лице сомнительных нэпманов. Есть буржуазия и *буржуазия*. При более нормальных условиях творческая роль предпринимателей выступит в более симпатичном свете.

Я прекрасно понимаю те разочарования, которые может вызвать наблюдение развития современного правового и демократического государства. Я понимаю те поиски новых путей, которые мимо него привели бы к тому, чтобы великие слова, которые были начертаны на фронтоне правового государства: Liberté, egaité, fraternité (свобода, равенство, братство) были на деле осуществлены. Эти нетерпеливые поиски новых путей понятны. Но наш опыт меня лишь укрепил в том убеждении, что попытки осуществления указанных лозунгов вне рамок правового государства бесплодны. Я остаюсь при убеждении, что идея правового и демократического государства как творческая идея не исчерпана.